

№

АНТРАКТЪ 20.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 3 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскіе театры. — Петербургскіе театры. — Замѣтка. — Обѣдъ г-мъ Степанову и Никифорову. — Смѣсь (Русское драматическое общество. Славянскій концертъ. Посѣщеніе Славянами театровъ петербургскаго и варшавскаго. Прощальный подарокъ. Театръ въ Кіевѣ. Оле-Буль. Престидижитарство. Ресторанъ).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Прошлая недѣля обогатила лѣтопись нашего театра крупнымъ фактомъ: въ четвергъ въ Большомъ театрѣ были Славяне. Они занимали 16 ложъ правой стороны бенуара и бельэтажа. Ригеръ и Палацкіи помѣщались въ крайней ложѣ бельэтажа; между черными фраками въ двухъ, трехъ мѣстахъ выдѣлялись національные костюмы и даже раса съ скуфьей (во второй ложѣ бельэтажа). Зная, что спектакль давался по случаю пріѣзда Славянъ, публика наполнила театръ съ верха до низу и привѣтливо радовалась желаннымъ гостямъ. Послѣ 4-го дѣйствія «Воеводы» загремѣла единодушная слава сперва всѣмъ присутствовавшимъ въ театрѣ Славянамъ, а потомъ отдѣльно — Палацкому, Головацкому и Ригеру, которые, поднявшись съ своихъ мѣстъ, раскланялись съ публикою. За тѣмъ, по общему требованію, оркестромъ два раза былъ сыгранъ гимнъ. По окончаніи спектакля гимнъ снова былъ исполненъ два раза, уже не однимъ оркестромъ, но и хоромъ. Окончаніе гимна покрыто было громкими дружными криками: ура и слава; на возгласы и маханье шляпами и платками публики Славяне отвѣчали ей тѣмъ же и, передъ выходомъ изъ ложъ, кланялись, какъ бы благодаря тѣмъ за привѣтъ и ласку. Не беремся утверждать, какое впечатлѣніе произвелъ на Славянъ самый спектакль, а думаемъ, что несомнѣннѣмъ благоприятное. Мы боимся, не проскучили ли они за половиною видѣннаго ими. *Женидьба* потеряла потому, что она давалась въ Большомъ театрѣ, огромное пространство сцены и зрительной залы котораго очень трудно наполнить звукомъ при обыкновенномъ разговорѣ, когда голосъ не насыщается. Многого поэтому почти нельзя было разобрать даже и Русскимъ, не только Славяномъ, которымъ звуки русскаго языка хоть и родственны, но все же недостаточно понятны. Впрочемъ, мы думаемъ, что за *Женидьбою* для славянскихъ гостей былъ тотъ интересъ, что она познакомила ихъ съ крупными типами одной изъ лучшихъ русскихъ комедій, а также и съ игрою нѣкоторыхъ комическихъ актеровъ нашей труппы. За

то отрывокъ изъ *Воеводы* долженъ былъ и надобность имъ, и изумить ихъ. Непонятно, въ самомъ дѣлѣ, съ чего это вдругъ выбранъ былъ для этого спектакля самый скучный актъ изъ неудавшейся пьесы. Что могли понять во всемъ этомъ дѣйствіи Славяне? Бородатый мужикъ въ полу-персидскомъ костюмѣ спитъ въ избѣ на лавкахъ, покрытыхъ леопардовою шкуркой, спитъ и бредитъ; старуха у зыбки разгадка прививается каниючить пѣсню; за опускающеюся стѣной говорятъ какіе-то люди въ высокихъ шапкахъ и боярскихъ костюмахъ, выстроенные въ одну линію; какіе-то люди поютъ пѣсни, садятся на полъ, раскачиваются въ обѣ стороны съ рюмками въ рукахъ; эти желуди стоятъ на лодкѣ, а сзади ихъ двигается декорация; а мужикъ въ персидскомъ костюмѣ все спитъ и бредитъ, а старуха все каниючить пѣсню, и такъ безъ конца, до тѣхъ поръ, пока не опустится занавѣсъ. Интересно ли все это даже и для тѣхъ, которые знакомы съ цѣлою пьесой Островскаго? Пожелаемъ, чтобы слѣдующій спектакль, на который думаютъ еще разъ пригласить Славянъ и который предполагается во вторникъ, былъ удачнѣе по составу. Послѣ *Аскольдовой могилы* (въ которой, какъ слышно, г. Лавровъ не можетъ играть партію Торопки) всего удобнѣе было бы для такого спектакля *Русская свадьба*. Дивертисментъ просмотрѣлся съ удовольствіемъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Петербургскіе театры послѣ великаго поста открываются, какъ извѣстно, почти цѣлою ведѣлею ранѣе, чѣмъ московскіе. Почему это такъ дѣлается — объяснить трудно: какъ будто Москва и Петербургъ — не двѣ столицы одного русскаго царства, какъ будто въ этихъ двухъ столицахъ не одинъ и тотъ же русскій народъ, не одно и то же господствующее вѣроисповѣданіе, не одни и тѣ же законы. Но какая ни была бы причина поздняго открытія театра въ Москвѣ, только въ то время, когда въ Москвѣ первый спектакль послѣ великаго поста

былъ въ воскресенье на Омниной недѣлѣ (23 апрѣля), въ Петербургѣ уже въ поведѣльникъ на Святой были спектакли французскій и нѣмецкій, а въ четвергъ тоже на Святой недѣлѣ (20 апрѣля) начались уже русскіе драматическіе и балетные спектакли.

Пословица говоритъ: «первый блинъ — комомъ», и справедливость этой пословицы вполне оправдалась на первой новинкѣ, которою подарилъ публику русскій драматическій театръ въ первый же свой спектакль послѣ Великаго поста. Новая четырехъактная драма *Каковъ въ колыбели, таковъ и въ могилу*, данная въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ 20 апрѣля и написанная однимъ изъ петербургскихъ актеровъ, г. Озеровымъ, оказалась неудачнымъ комомъ, неуклюже скатаннымъ изъ ключковъ разныхъ другихъ пьесъ. Страшная, громкая заглавія, данная авторомъ каждому дѣйствию пьесы, и наборъ эффектовъ, почти невозможныхъ и связанныхъ только вишнею связью, какъ бы переносить зрителя за 10 лѣтъ назадъ, когда на сценѣ съ такимъ успѣхомъ царили французскія мелодрамы въ русскіяхъ переводахъ, съ тою только разницею, что поддѣлка подъ французскую мелодраму, сдѣланная въ русскіяхъ костюмахъ и съ русскими именами г. Озеровымъ, вовсе не отличается тѣмъ умѣньемъ ловко вести интригу, придумывать эффекты, построить пьесу такъ искусно, сценично и занимательно, что она, не смотря на отсутствіе въ ней художественныхъ достоинствъ, на свою невѣроятность и неестественность, на ходульность характеровъ, а иногда даже и на совершенное ихъ отсутствіе, смотрится съ начала до конца съ большимъ интересомъ, какъ это бываетъ съ большею частію французскихъ мелодрамъ. «Какъ вамъ не стыдно заниматься переводомъ такихъ плохихъ пьесъ, какъ французскія мелодрамы», сказалъ одинъ авторъ русскихъ оригинальныхъ пьесъ переводчику французскихъ мелодрамъ. — «Да, ваша правда — отвѣчала переводчикъ, — французскія мелодрамы плохи, а ужь особенно плохи онѣ тогда, когда превращаются въ русскія пьесы». Слова переводчика французскихъ мелодрамъ вполне подтвердились пьесой г. Озерова, которая, впрочемъ, была разыграна старательно всѣми въ ней участвовавшими. Авторъ былъ нѣсколько разъ вызванъ, не смотря на все безобразіе его пьесы.

Бенефисъ г. Алексѣева далъ четыре новыя пьесы. Первая изъ нихъ — новое произведеніе плодовитаго г. Дьяченко *Пыльшняя любовь* — была дружно охотана петербургскою публикою, не смотря на хорошую игру участвовавшихъ въ ней артистовъ. (*) Другая пьеса бенефиса г. Алексѣева — сцены *Гласная касса ссудъ* — составляетъ актъ изъ недопущенной на сцену пьесы: *Петербургскія тайны*. *Гласная касса ссудъ* принадлежитъ перу г. Соколова, автора *Духъ поколѣній*, *Мазепы* и *Богдана Хмельницкаго*.

(*) Эта пьеса шла третьяго дня на московской сценѣ въ бенефисъ г-жи Ливской, отзывъ о которомъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № Антракта.

Ред.

Каго. Впрочемъ, изъ пьесъ г-на Соколова *Гласная касса ссудъ* — лучшая. Въ ней видны наблюдательность, изученіе быта; нѣкоторыя личности очерчены недурно, но много громкихъ, трескучихъ фразъ и вообще реторики. Авторъ этими громкими фразами хотѣлъ покарать лихоимство болѣе, чѣмъ вѣрнымъ, художественнымъ изображеніемъ этого порока въ петербургскомъ обществѣ.

Третья пьеса, данная въ бенефисъ г. Алексѣева, оперетка г. Бутковского *Женскій клубъ*, возбудила восторженные рукоплесканія одной части публики и громкія шиканья другой. Ни тѣхъ, ни другихъ пьеска эта не заслуживала. Это простая, довольно растянутая, но все-таки нелишняя занимательности шутка, сюжетъ которой заимствованъ изъ одной французской пьесы. Все дѣло въ томъ, что нѣсколько женщинъ затѣяли составить клубъ изъ однихъ женщинъ безъ участія мужчинъ, но потолковали объ этомъ, поспорили, поссорились и разошлись. Въ этой пьесѣ г-жи Стрѣльская и Натарова очень хорошо скопировали костюмъ игнелистокъ и ихъ приемы, а г. Кларотъ подобралъ къ опереттѣ музыку изъ любимыхъ оперъ. Нѣкоторые очень негодовали, что музыку Глики и Верстовскаго употребили въ этой пьесѣ для аккомпанированія ея неудачныхъ куплетовъ — пародій.

Четвертая пьеса, переделанный съ нѣмецкаго фарсъ *Геркулесъ*, — очень забавна и понравилась публикѣ болѣе остальныхъ пьесъ бенефиса г. Алексѣева.

Какъ довольно крупное явленіе петербургской русской драматической сцены почти всѣми петербургскими газетами было замѣчено исполненіе въ первый разъ роли Катерины въ *Грозѣ* г-жею Струйскою 1-ю. Г-жа Струйская, довольно долгое время оставшаяся въ тѣни персонала петербургской русской драматической труппы, въ концѣ прошлаго года ярко заблестѣла на горизонтѣ петербургской сцены, прекрасно исполнивъ главныя женскія роли въ *Сельскихъ ширмахъ*, *Гражданскомъ бракѣ* и т. п. пьесахъ. Такія роли, пожалуй, и могли показать въ артисткѣ присутствіе таланта, но не могли опредѣлить настоящую цѣну таланту, а также не могли и служить его развитію... Поэтому петербургскіе любители драматическаго искусства съ нетерпѣніемъ ждали исполненія г-жею Струйскою какой-нибудь болѣе состоятельной роли и съ удовольствіемъ привѣтствовали ея появленіе въ роли Катерины. Исполненіе этой роли г-жею Струйскою показало, что въ этой молодой артисткѣ есть дѣйствительно дарованіе, но что доселѣ исполнявшія ею роли нисколько не служили къ его развитію. Всѣ эти роли были для этого слишкомъ ничтожны въ художественномъ отношеніи и даже уже успѣли немного приучить г-жу Струйскую къ какому-то однообразно-слезливому тону. Вотъ уже и вредъ для начинающей артистки отъ подобнаго рода ролей. Болѣе глубокую, чѣмъ прежнія роли г-жи Струйской, роль Катерины актриса эта исполнила вполне удовлетворительно только мѣстами, а не всю. Талантъ въ г-жѣ Струйской есть несомнѣнный, но чтобы развить его, надо ей еще много работать, а работать ей было бы лучше всего надъ классическими

ролями; онъ, заставляя артистку трудиться надъ воспроизведеніемъ вполнѣ живыхъ, художественныхъ созданій, много содѣйствовали бы развитію ея таланта, но, къ сожалѣнію, классическія пьесы почти вовсе не даются на петербургской русской сценѣ. Такія же роли, какъ Любочка и Сашенька въ разныхъ *Гражданскихъ бракахъ* и *Свѣтскихъ ширмахъ*, какъ разъ собьютъ артистку съ истиннаго художественнаго пути, а жаль, если погибнетъ такое дарованіе, какъ дарованіе г-жи Струйской.

Объ русской оперѣ носятъ самые неблагоприятные слухи: говорятъ, что многіе изъ лучшихъ ея представителей покидаютъ петербургскую сцену. Чрезвычайно будетъ жаль, если слухи эти оправдаются, и теперешняя русская оперная труппа, составленная съ такимъ трудомъ и такъ полюбленная петербургскою публикою, снова придетъ въ разстройство.

На Марининскомъ театрѣ, въ оперѣ Глинки *Русланъ и Людмила*, дебютировала въ роли Ратмира г-жа Михайловская 2-я, ученица петербургской консерваторіи. Дебютъ этотъ нельзя назвать вполнѣ удачнымъ. Дебютантка обладаетъ пріятною наружностью, поетъ вѣрно, но безъ всякаго одушевленія. Голосъ ея не обширенъ по діапазону и притомъ не имѣетъ достаточной звучности и силы; игра дебютантки неудовлетворительна.

На балетной сценѣ возобновлены два балета *Эсмералда* и *Голубая георгина* съ г-жею Петипа въ главныхъ роляхъ. На этой же сценѣ явились изъ Кіева танцовщикъ и танцовщица вѣскаго театра, г. и г-жа Оферманъ. Но такимъ танцорамъ, какъ супруги Оферманъ, приличнѣе танцевать на сценѣ какого-нибудь увеселительнаго сада, чѣмъ на сценѣ столичнаго театра, на которой танцовали всѣ европейскія знаменитости, начиная съ Гальони и Фанни Эльслеръ.

На нѣмецкомъ театрѣ, въ первый же спектакль по открытіи этого театра послѣ Великаго поста, появилась г-жа Ниманъ-Зебахъ въ роли Маргариты въ *Фаустѣ* Гете (Фаустъ—г. Кекертъ, Мефистофель—г. Гювартъ, Марта—г-жа Альбрехтъ). Появленію этой актрисы на петербургской сценѣ предшествовала большая извѣстность, составленная ею на германскихъ сценахъ. Но г-жа Ниманъ-Зебахъ не оправдала передъ петербургскою публикою своей репутаціи. Можно сказать, что эта германская знаменитость въ петербургѣ успѣха не имѣла. Г-жа Ниманъ-Зебахъ вполнѣ актриса старой нѣмецкой школы; въ игрѣ ея преобладаетъ манерность, ходульность, изысканность, преувеличеніе и битье на эффекты, а о дикціи этой артистки можно повторить стихъ Грибоедова

Словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой.

Притомъ игра ея, при всѣхъ названныхъ недостаткахъ, холодна, а дѣла не соответствуютъ нѣкоторымъ изъ исполняемыхъ ею ролей. Гетевская Маргарита и шекспировская Юлія были въ игрѣ ея очень неудачны; манерность г-жи Ниманъ-Зебахъ ужъ никакъ не шла къ этимъ ролямъ. Въ роли же Катарины въ *Укрощеніи строптивой* петербургицы по справедливости предпочли пріѣзжей знаменитости г-жу Рабе,

игра которой въ этой роли была гораздо простѣе и естественнѣе, а простота и естественность въ настоящее время очень дорого цѣнятся. Въ роли *Маріи Стюартъ*, прощаніе шотландской королевы предъ казнію (въ 5 актѣ) г-жа Ниманъ-Зебахъ провела слишкомъ холодно и читала стихи на распѣвъ. Въ *Дездемонѣ* она тоже не воспроизвела этого чуднаго созданія Шекспира, хотя и показала себя искусною актрисою. Всего болѣе понравилась петербуржцамъ г-жа Ниманъ-Зебахъ гра ея въ одноактной, переведенной ею самою съ французскаго пѣснѣ *Чашка чая* и ея же чтеніе шиллеровой *Пѣсни о колокольѣ*. При чтеніи этой пѣсни не только въ словахъ и голосѣ, но и на лицѣ артистки ясно передавались тѣ ощущенія, которыя должны были вызвать слова пѣсни. Особенно прекрасно было передано ею мѣсто, когда рассказываетъ о смерти матери семейства.

26 апрѣля петербургская нѣмецкая труппа праздновала 25-лѣтній юбилей своего режиссера г. Толлерта. Въ этотъ день, рано утромъ, къ г. Толлерту на квартиру явились хористы и хористки нѣмецкаго театра и, пропѣвъ ему привѣтственную серенаду, поднесли ему свои фотографическіе портреты. Потомъ, когда г. Толлертъ явился въ этотъ день на репетицію, онъ нашелъ сцену ярко освѣщенною и всѣхъ артистовъ нѣмецкой труппы, одѣтыхъ по праздничному: мужчины были во фракахъ, а дамы въ бальныхъ костюмахъ. Г. Толлертъ встрѣтился и ввелъ на сцену старѣйшіе представители нѣмецкой труппы въ Петербургѣ, г-жи Альбрехтъ и Поллертъ; оркестръ заигралъ тушь, послѣ котораго всѣ присутствовавшіе на сценѣ запыли хоромъ привѣтствіе въ честь юбиляра. Слова этого хора сочинены самимъ же Толлертомъ для юбилея капельмейстера нѣмецкаго театра Беца, но на нихъ Бецъ сочинилъ для юбилея ихъ автора новую музыку. Затѣмъ г-жа Поллертъ и г. Кекертъ говорили привѣтственные рѣчи Толлерту отъ имени своихъ товарищей, а г-жа Ниманъ-Зебахъ отъ имени германскихъ артистовъ, слѣдующихъ, по ея словамъ, съ большимъ сочувствіемъ за полезною дѣятельностію почтеннаго юбиляра на петербургской сценѣ. Молодая артистка поднесла Толлерту букеты. Онъ былъ глубоко тронутъ и едва могъ проговорить нѣсколько словъ въ благодарность за оказанныя ему привѣтствія. Послѣ спектакля, бывшаго въ тотъ вечеръ, публика вызвала г. Толлерта и поднесла ему лавровый вѣнокъ. Кромѣ того нѣкоторые любители драматическаго искусства подарили ему въ тотъ же день малахитовые столовые часы и пару такихъ же подвѣсничковъ, а артисты поднесли ему изящный альбомъ. На первомъ листѣ этого альбома помѣщена афиша спектакля 26 апрѣля 1842 г., въ которомъ г. Толлертъ, бывший прежде актеромъ (настоящее имя его Лизархъ-Кенигъ), въ первый разъ дебютировалъ на петербургской сценѣ въ пѣснѣ «*Der Verschwender*» вмѣстѣ съ своею женою, въ послѣдствіи оставившею сцену. Афиша эта напечатана на атласѣ золотыми буквами.

На французской сценѣ послѣ Святой, кромѣ двухъ незначительныхъ одноактныхъ водевилей, поставле-

на новая пятиактная пьеса, соч. Варена и Деланпорта «Ахъ, какъ пріягн любовь». Это ничто иное, какъ забавный фарсъ, въ которомъ выведены неудачны похождения одного волокиты за хорошенькими женщинами; вмѣсто наслажденія ему приходится испытывать только непріятности, то наткаться на свирѣпаго мужа, то лавить по крышамъ, избѣгая ревниваго брата, то получать пощечины отъ двухъ женщинъ, за которыми онъ влочилъ и которыя случайно сошлись вмѣстѣ въ его квартирѣ. Г. Дьедонне очень забавенъ въ роли несчастнаго волокиты. Этою пьесю закрылись 30 апрѣля французскіе спектакли до новаго ихъ открытія въ августѣ.

С—й.

ЗАМѢТКА

(Изъ письма къ редактору.)

Въ статьѣ вашей «По поводу бенефиса г. Фелотова», помѣщенной въ № 18 «Антракта», вы говорите, что «давно, очень давно уже чувствовалась настоятельная потребность подумать о томъ, чтобы возвратитъ однѣмъ ролямъ *Ревизора* ихъ прежнихъ исполнителей, а другимъ ролямъ дать исполнителей новыхъ, болѣе подходящихъ къ нимъ по своимъ средствамъ и болѣе надежныхъ. Эта потребность чувствовалась потому, что исполненіе *Ревизора* въ послѣдніе годы съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе спадало съ цѣны и все болѣе отдалялось достоинствомъ отъ первоначальнаго исполненія, отъ того исполненія, которое, можетъ быть, прежде всего вызвали симпатіи Гоголя къ Москвѣ.» Далѣе вы называете обстановку «*Ревизора*», бывшую на бенефисѣ г. Фелотова, улучшеніемъ, и вы совершенно правы, особенно когда къ этой перестановкѣ *Ревизора*, сдѣланной для бенефиса Фелотова, въ спектакль 4 мая присоединился снова г. Никифоровъ, превосходный исполнитель роли Бобчинскаго. Скажу болѣе: теперешняя обстановка *Ревизора* такова, что, за весьма немногими исключеніями, едва ли при настоящемъ составѣ московской труппы можно сдѣлать лучшую.

Но я уже около 30 лѣтъ посѣщаю московскій театръ и при представленіи какой-нибудь серьезной пьесы невольно припоминаю прежнее ея исполненіе и неизбежно сравненіе невольно приходитъ мнѣ въ голову. Нынѣшняя обстановка *Ревизора* навела на меня грустныя мысли; эти мысли были вызваны не тѣмъ, что обыкновенно, по словамъ поэта, для насъ всегда «настоящее уныло, а что пройдетъ то будетъ мило», не тѣмъ, что воспоминаніе по большей части многое скрашиваетъ въ быломъ, а сила перваго впечатлѣнія не отразимо подкупаетъ насъ.

Нѣтъ, не потому только грустныя мысли приходили ко мнѣ въ голову, чтобы бывшую обстановку *Ревизора* я безусловно предпочиталъ теперешней его обстановкѣ, хотя и въ этомъ, если не въ отношеніи всѣхъ ролей, то по крайней мѣрѣ въ

отношеніи большей части ихъ, было бы много правды: первоначальная обстановка *Ревизора* на московской сценѣ пользовалась заслуженною славой, и въ этомъ легко убѣдиться, припомнивъ только нѣкоторыхъ исполнителей этой первоначальной обстановки. Ужъ одинъ ихъ имена противъ исполнявшихся ими ролей могутъ ясно показать, что слава этой первоначальной обстановки вполнѣ заслуженная: Городничій—Щепкинъ, Осипъ—Орловъ, память о которомъ не могъ даже совершенно убить другой превосходный Осипъ, созданный великимъ талантомъ г. Садовскаго, Потанчиковъ—Почтмейстеръ, доселѣ оставившій по себѣ память какъ лучший Щепкинъ изъ всѣхъ, бывшихъ на московской сценѣ, Степановъ—Судья и Никифоровъ—Бобчинскій, о которыхъ въ этихъ роляхъ вы совершенно справедливо сказали, что «мы можемъ только радоваться, что эти почтенные талантливые ветераны нашей сцены не перестаютъ украшать своимъ участіемъ одно изъ драгоценнѣйшихъ произведеній русской драматургіи», Шумскій—Добчинскій, котораго Бѣлинскій въ этой небольшой роли ставитъ прямо послѣ Щепкина—Городничаго и Осипа—Орлова и наравнѣ съ Степановымъ—Судьею; Соколовъ—Абдулинъ, Божановская—Пошлепкина, Шубертъ—Мяшка, Максимъ—Слуга въ трактирѣ.— вотъ первые исполнители нѣкоторыхъ ролей *Ревизора*.

Но не то, что нѣкоторые изъ названныхъ ролей при послѣдней обстановкѣ *Ревизора* были исполнены не такъ хорошо, какъ при первоначальной обстановкѣ этой пьесы, навело на меня грустныя мысли. Въ этомъ я вполнѣ бы могъ утѣшиться, потому что нѣкоторые изъ новыхъ исполнителей *Ревизора* нѣсколько не хуже первоначальныхъ его исполнителей, какъ напр.: Шумскій—Хлестаковъ, Акимовъ—Пошлепкина, Живокинъ—Земляника, Васильева—Городничиха, Никулина—городническая дочка, но даже лучше, какъ напр.: Владыкинъ—Хлоповъ. Грустныя, даже очень грустныя мысли навело на меня то что теперешняя обстановка *Ревизора* ясно показываетъ, какъ умалились вообще силы московскаго театра. Для недурной обстановки этой комедіи, для обстановки только болѣе или менѣе состоятельной, потребовались, за весьма немногими исключеніями, всѣ силы нашего театра, всѣ лучшіе представители нашей драматической труппы, такъ что за исключеніемъ двухъ-трехъ актеровъ и двухъ-трехъ актрисъ, не первоклассныхъ, но все-таки талантливыхъ, никого не осталось незанятымъ въ этой комедіи, между тѣмъ какъ въ первоначальной обстановкѣ ея изъ самыхъ первыхъ представителей тогдашней московской труппы, кромѣ Щепкина, никто не былъ занятъ, — всѣ главныя силы труппы оставались свободными, такъ сказать въ резервѣ. Въ этой комедіи Гоголя, при первоначальной ея обстановкѣ, не участвовали ни Мочаловъ, ни Рѣпина, ни Живокинъ, ни Сабурова, ни Орлова, ни Самаринъ (кажется, этотъ незанятый въ комедіи резервъ не малъ художественными силами?), а, не смотря на это, первоначальная обстановка *Ревизора* заслужила достойную знаменитость, а кто именно и много ли художественныхъ силъ остались

въ резервъ, остались незанятыми при теперешней обстановкѣ *Ревизора?*

Грустно, грустно становится, когда подумаешь, какъ слабѣютъ художественныя силы нашей знаменитой московской русской труппы, какъ рѣдѣютъ ряды ея талантливыхъ представителей!

В. Родиславскій.

УЖИНЪ ГГ. СТЕПАНОВУ И НИКИФОРОВУ.

13-го мая данъ былъ въ Артистическомъ кружкѣ (въ новомъ его помѣщеніи, гостиница Лабади) ужинъ въ честь заслуженныхъ нашихъ артистовъ гг. Степанова и Никифорова, по случаю поднесенія имъ въ спектаклѣ 10 мая подарковъ отъ публики. Ужиномъ этимъ выразилось то сочувствіе, которымъ они издавна пользуются какъ со стороны истинныхъ цѣнителей искусства, такъ и со стороны самихъ артистовъ московской сцены. Рѣчи и стихи, сказанные на этомъ ужинѣ, принимались съ полнѣйшимъ восторгомъ. Говорили: гг. Живокини, Садовскій, Островскій и Вильде. Последній прочелъ написанные имъ на этотъ случай стихи, которые мы приводимъ вполнѣ, такъ какъ они произвели наибольшее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Вотъ стихи г. Вильде:

Бывало гений лишь высокій,
А иногда и мишура,
Взимали дань любви глубокой:
Отрадно, что пришла пора,
Когда прямое дарованье,
Не ослѣпляющее глазъ,
Находитъ также воздаянье:
Примѣръ мы этотъ видимъ въ васъ.
Безъ пышныхъ лавровъ сорокъ лѣтъ
Театру оба вы служили,
Всѣ тѣ, кто только былъ согрѣтъ
Любовью къ дѣлу, дорожили
Талантомъ вашимъ и трудомъ.
Но о себѣ вы не кричали,
Впередъ не лѣзли на проломъ,
Не обладали мѣднымъ лбомъ,
И часто васъ не замѣчали:
Толпа не била вамъ челомъ,
Будь только блескъ,—толпа нѣмѣть,
Что ей бросается въ глаза,—
Брильянтъ,—она цѣнить умѣть,
А вы въ искусствѣ—бирюза!
Вы не шумихой, правдой брали,
Не поражали вы собой,
И васъ цвѣтами не вѣнчали,
А вы, довольные судьбой,
И не искали громкой славы,
Хоть сознавали, можетъ быть,
Что люди къ вамъ подчасъ неправы
И что грѣшно бы васъ забыть.
Но, вѣтъ, объ васъ не позабыли!
Вашъ умный, долготѣный трудъ
Спустила пыльца оцѣнила,

И наконецъ-то правый судъ
Почтилъ васъ давно уваженъ,
Уже заслуженной давно,
Съ наградой славной заодно
Примите также выраженье
И нашихъ чувствъ къ обоимъ вамъ:
Награда—вамъ, награда намъ!
Мы вашу радость раздѣляемъ,
Намъ близокъ, дорогъ вашъ почетъ,
И мы всѣ здѣсь на перечетъ
Еще, еще васъ поздравляемъ.

Винювники этого отраднaго праздника были видимо пронуты такими изъявленіями всеобщаго къ нимъ расположенія и уваженія къ ихъ таланту.

А. П.

С М Ъ С Ъ.

Въ Петербургѣ думаютъ, какъ сообщаетъ „Народный Голосъ“, устроить „общество любителей, или русское драматическое общество“ съ цѣлю способствовать развитію драматическаго искусства и при готовленія даровитыхъ исполнителей. Для этого, будетъ образованъ клубъ и при немъ небольшая сцена подъ руководствомъ опытныхъ въ драматическомъ искусствѣ людей. Всякому, даже и непринадлежащему къ обществу, можно будетъ обращаться въ клубъ съ требованіемъ испытать его силы, и если совѣтъ признаетъ въ немъ задатки таланта, то будетъ служить для подготовленія его къ общирнымъ сценамъ. Общество будетъ открывать свои дѣйствія и во всѣхъ болѣе многолюдныхъ городахъ Россіи, распространяя „общепользныя драматическія, народныя учрежденія“.

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ о концертѣ Балакирева, бывшемъ 12 мая: «Наши дорогие гости со славянскаго запада встрѣтили и въ залѣ Думы, великолѣпно убранной и сіявшей безчисленными огнями, тотъ же торжественный приемъ, что и въ залѣ дворянскаго собранія, который долженъ свидѣтельствовать имъ о томъ значеніи, какое имѣетъ для насъ первый прїездъ ихъ къ намъ. Гербы всѣхъ славянскихъ національностей и флаги съ ихъ народными цвѣтами были расположены по всему протяженію хоръ; эстрада для оркестра была сплошь увѣшана фестонами трехцвѣтной драпировки, группы изъ трехцвѣтныхъ же знаменъ стояли по двумъ концамъ эстрады; наверху портрета Государя Императора, помѣщеннаго въ глубинѣ залы, были также расположены знамена, но уже съ русскими національными цвѣтами. Такимъ образомъ зала Думы представляла чрезвычайно блестящій и оживленный видъ. Не всѣ славянскіе наши гости могли поспѣть къ началу концерта: часть ихъ была въ тотъ день на обѣдѣ у г. министра народнаго просвѣщенія; но когда они прїѣхали и вошли въ залу, ихъ встрѣтили громогласныя рукоплесканія и клики: *слава Ригеру, слава Палацкому!* Долго

продолжались эти клики, и только послѣ того, какъ эти представители славянскихъ депутатовъ отвѣчали со своихъ мѣстъ поклонами публикѣ, замолкли наконецъ рукоплесканія, клики «*слава*», и концертъ могъ продолжаться. Концертъ г. Балакирева былъ составленъ изъ пѣсень, изъ которыхъ каждая относилась къ той или другой славянской національности. Такъ, представителемъ великорусскаго элемента явилась *Камаринская* Глинки; представителемъ малороссійскаго элемента — *казачокъ* Даргомыжскаго; чешскій элементъ былъ изображенъ въ *увертюрь на чешскія темы* г. Балакирева, сербскій — въ *увертюрь на сербскія темы* г. Римскаго-Корсакова, словацкій — въ *фантазію на словацкія* (неправильно названна *венгерски*) *темы* Листа, польскій — въ *арію изъ оперы г. Моношкю*. Такимъ образомъ, кромѣ послѣдней пѣсень, всѣ остальные, самыя капитальныя пѣснь концерта, были инструментальныя. Это имѣетъ свое глубокое значеніе: большинство примѣчательнѣйшихъ музыкальныхъ произведеній, созданныхъ славянскимъ гениемъ, заключается въ сочиненіяхъ инструментальныхъ. Здѣсь славяне необыкновенно скоро сходятся во вкусахъ, здѣсь они скорѣе всего уразумѣваютъ другъ друга, сливаются въ одномъ общемъ чувствѣ, въ одномъ общемъ настроѣнн. «*Камаринская*» была потребована два раза, *увертюра на сербскія темы* — тоже, и, кажется, еслибы не боязнь страшно утомить и оркестръ, и дирижера, были бы повторены и всѣ остальные инструментальныя пѣснь. Весело было пробѣжать взоромъ по рядамъ славянскихъ гостей, помѣстившихся въ первыхъ двухъ или трехъ рядахъ залы: всѣ лица оживлены, не встрѣишь ни одного разсѣянаго, скучающаго или равнодушнаго лица. Сразу видишь, что тутъ сидятъ люди, которымъ музыка — дорогое національное искусство, которымъ языкъ ея — свой родной. Надо было только взглянуть на всѣ эти южныя, энергическія лица, съ чудными, сверкающими глазами, увидѣть выраженіе этихъ лицъ, чтобы напередъ знать, что вотъ кончатся сейчасъ та или эта пѣснь, и зала наполнится нескончаемыми взрывами криковъ и рукоплесканій. У насъ въ театрѣ, въ концертѣ, рѣдко найдешь собраніе такихъ слушателей, хотя бы играли эту же самую «*Камаринскую*», этого же самаго «*Казачка*», хотя бы дирижировалъ этотъ же самый Балакиревъ, съ тѣмъ же самымъ мастерствомъ, энергіею и страстью, какъ сегодня. Послѣ пѣсень, особенно ихъ поразившихъ, Сербь кричали свое: *живо, живо!* (браво), Чехи свое: *слава, слава!* Навѣрно можно сказать, что сегодняшній концертъ будетъ имѣть особенное значеніе для всѣхъ ихъ: гдѣ же могли они слышать, въ одинъ вечеръ, столько превосходныхъ, столько увлекательныхъ созданий славянскаго музыкальнаго творчества? Гдѣ могли они присутствовать при такомъ высокохудожественномъ управленіи оркестромъ рукою славянскаго дирижера, какъ сегодня? И они живо это сознаютъ: Чехи, еще такъ недавно узнавшіе, подъ управленіемъ г. Балакирева, какая у Славянъ есть теперь опера — «*Русланъ и Людмила*», Чехи привез-

ли съ собою изъ Праги великолѣпный подарокъ своему любезному *русскому капельнику* (капельмейстеру): Ригеръ и вмѣстѣ съ нимъ другіе Чехи, передъ началомъ второй части концерта, встали со своихъ мѣстъ и подали первому, лучшему нашему капельмейстеру, Балакиреву — дирижорскую палочку, всю рѣзную изъ слоновой кости, такой чудной работы, что эта вещь навѣрное заняла бы видное мѣсто на парижской всемірной выставкѣ. Внизу выпуклыми буквами написано: *Прага 1867 г.* Немного выше, на ручкѣ: *Пушкинъ, Глинка*. Отсюда къ верху вьющаяся ленточкой идутъ имена всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ оперы «*Русланъ и Людмила*». На превосходномъ ящикѣ изъ деревянной необыкновенно изящной мозаики написано рѣзными буквами: *Славянскому утѣльцу* (художнику) *М. А. Балакиреву*. Читатели наши легко себя представятъ, какія оглушительныя безконечныя рукоплесканія поднялись въ залѣ при этомъ поднесеніи. Но послѣ *увертюры на чешскія темы*, автору ея, г. Балакиреву, поднесены были еще большой лавровый вѣнокъ, перевитый золотыми лентами и перехваченный рѣзнымъ золотымъ аграфомъ, съ портретомъ М. И. Глинки и надписью вокругъ *М. А. Балакиреву, 12 мая 1867 г.* Если мы не ошибаемся, маленькія ручки петербургскихъ дамъ перенесли этотъ вѣнокъ золотыми лентами. Кажется г. Балакиревъ не можетъ быть недоволенъ *первымъ своимъ инструментальнымъ концертомъ*. Ему выпало на долю то счастье, что этотъ концертъ его былъ первымъ все славянскимъ концертомъ и что выборные люди всѣхъ земель славянскихъ сошлись полюбоваться на его талантъ и высказать ему свое сочувствіе. Въ заключеніе намъ остается упомянуть о трехъ солистахъ этого концерта. Г. Кросъ мастерски, съ величайшею тонкостью и вмѣстѣ энергіею выполнилъ трудную партію въ страстной и увлекательной фантазіи Листа на словацкія темы; г. Петровъ спѣлъ, какъ конечно никто кромѣ него въ Петербургѣ не спѣетъ, *Ночной слотръ*, — одно изъ гениальнѣйшихъ созданий нашего великаго Глинки; наконецъ г-жа Платонова со всѣмъ всегдашнимъ своимъ изяществомъ и вкусомъ дала нашей публикѣ узнать прелестную, но, къ несчастію, слишкомъ мало знаемую, слишкомъ еще мало цѣнимую у насъ вещицу г. Балакирева: *Золотая рыбка*, романсъ на слова Лермонтова. Тутъ все поразительно: и чудныя красоты звука, и страсть, и увлекающія, волшебныя глубины чувства. Такихъ музыкальныхъ созданий мало во всей европейской музыкѣ.

Славяне были также въ петербургскомъ Маринскомъ театрѣ на представленіи трагедіи *Смерть Иоанна Грознаго*, а послѣ спектакля были приглашены на концертный вечеръ въ Клубъ покровительства частному труду.

Находясь проездомъ въ Варшавѣ, Славяне были въ тамошнемъ Большомъ театрѣ, гдѣ давали актъ изъ оперы г. Моношкю — *Галька* (которую предпо-

лагаютъ поставить на пражской сценѣ), небольшую комедію въ стихахъ гр. Александра Фредро — *Нелюдимы и поэтъ* (Odludki i poeta) и въ заключение бьютъ *Крестянская свадьба* (Wesele u ojcowie). Въ театрѣ, по распоряженію намѣстника, Славянамъ было приготовлено нѣсколько ложъ въ бель-этажѣ и кресель въ первыхъ рядахъ. Графъ Бергъ находился и самъ въ театрѣ; во время одного изъ антрактовъ ему были представлены въ аванзалѣ намѣстничьей ложы славянскіе депутаты, причемъ графъ припоминалъ о прибываніи своемъ въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ земель.

Артисты, составляющіе оркестръ Большаго театра въ Петербургѣ на представленіяхъ италіанской оперы, прощаясь съ капельмейстеромъ *Бавери*, поднесли ему на память великолѣпный альбомъ, содержащій портреты ихъ и благодарственное письмо за ихъ подвигами.

Въ «Московскія Вѣдомости» пишутъ изъ Кіева, что минувшій зимній сезонъ отличался обиліемъ удовольствій съ благотворительною цѣлью, въ устройствѣ которыхъ принимала дѣятельное участіе Л. Н. Безакъ, супруга главнаго начальника края. Въ февралѣ былъ спектакль любителей, на сценѣ городского театра, давшій 1,500 руб. сбора. За нимъ слѣдовалъ костюмированный балъ въ залахъ дворянскаго клуба, принесшій 500 рублей, а 26-го марта въ театрѣ были живыя картины и устроены концерты. 1-го мая было назначено гулянье и аллегріи въ городской (кадетской) рошѣ, денежный сборъ съ котораго предположенъ также въ пользу бѣдныхъ. 420 выигранныхъ пожертвованы служащими и куцами. Главные выигрыши приславы Великой Книгиней Еленой Павловной. Городской театр испыталъ въ послѣднее время значительныя перемены и какъ кажется къ лучшему. Въ мартѣ генералъ-губернаторъ утвердилъ новое положеніе объ управленіи театровъ. Хорошо было бы, еслибы русскіе драматическіе артисты обратили вниманіе на вызовъ ихъ въ Кіевъ и, пользуясь выгодными условіями, привели кіевскій театръ въ должный порядокъ. Спектакли новой труппы начались на Святой недѣлѣ и начались довольно успѣшно. По приглашенію дирекціи кіевского театра пріѣхалъ въ Кіевъ артистъ императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ Павелъ Васильевичъ Васильевъ. Онъ принимаетъ участіе въ 12 спектакляхъ, и явится на здѣшней сценѣ въ слѣдующихъ роляхъ: Любима Торцова «Бѣдность не порокъ», Краснова «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», Билкина «Омутъ», Расплюева «Свадьба Кречинскаго», Боярышниковна «Не въ деньгахъ счастье», Вырина «Станціонный смотритель», Пузовка—сына «Одноворецъ», Подхалюзина «Свои люди сочтемся», Кочкарева «Женидьба», Побѣдинскаго «Мишура», Балзамина «Куда пойдешь и др.»

Въ Варшаву пріѣхалъ недавній московскій гость Оле-Буль.

Престижитаторство и въ наше время находитъ себя представителей, которые съ замѣчательнымъ совершенствомъ упражняются въ искусствѣ отводить глаза. Вотъ что объ одномъ изъ такихъ престижитаторовъ въ Варшавѣ читаемъ въ «Спб. Вѣд.»: На семейный вечеръ Русскаго клуба былъ приглашенъ Пинетти новыхъ временъ, prestidigitateur da Sa Majeste le Roi de Prusse, какъ онъ самъ себя называетъ въ афишкахъ, M-r Bellaquini. Изъ фокусовъ, которые онъ показалъ, замѣчательнѣе болѣе другихъ слѣдующій: выбираютъ нѣсколькими зрителями четыре карты, которыя новый Пинетти кладетъ въ средину колоды, а колоду опускаетъ въ стаканъ, стаканъ даетъ держать кому-нибудь изъ зрителей и, отойдя на нѣсколько шаговъ, вызываетъ по очереди карты: онъ тихо ползутъ изъ колоды, подъ музыку, которая гудитъ на хорахъ. Вложенныя вновь, опять ползутъ и лѣзутъ. Волосковъ никакихъ нѣтъ, а что-то другое; какія-нибудь силы природы, напримѣръ электричество, которымъ Беллаккини пользуется очень остроумно. Мы видѣли у него еще слѣдующій фокусъ, безъ сомнѣнія, основанный на гальваническихъ токахъ, но какъ именно? Пусть рѣшаетъ всякій, какъ ему угодно. Мы расскажем только то, что видитъ зритель. Къ двумъ шнуркамъ, на авансценѣ, спущеннымъ оттуда, откуда падаетъ занавѣсъ, прицѣпляется, посредствомъ крючковъ и колець, довольно большій стеклянный ящикъ (немого длиннѣе полуаршина), у котораго все стеклянное: бока, дно и крышка. Вдоль стоитъ столъ, на который Беллаккини ставитъ пустой картонный ящикъ, величиной отвѣчающій висящему на шкуркахъ стеклянному. Является мальчикъ съ подносомъ, гдѣ лежатъ разноцвѣтные мячики горою, можетъ быть мячиковъ 50, 60. Показавъ ихъ зрителямъ, фокусникъ высилаетъ эти мячки въ коробку на столѣ, закрываетъ крышкой и приказываетъ имъ переселиться въ стеклянный ящикъ—взмахомъ волшебной палочки. Одинъ мигъ—и мячки тамъ! Стеклянный ящикъ мгновенно наполняется ими. Откуда они берутся—ужъ это неизвѣстно. Разумѣется, въ коробкѣ на столѣ они исчезаютъ, что сдѣлать не трудно. Беллаккини дѣлаетъ еще фокусъ: «отсѣченіе головы»—и эта отсѣченная голова разговариваетъ съ зрителями. Такъ какъ сцена отсѣченія, со всею ея трагическою обстановкой, производитъ на нѣкоторыхъ нервическихъ зрителей непріятное впечатлѣніе, хотя и знаютъ все, что это фокусъ, да и вообще такіе фокусы какъ-то нейдутъ Варшавѣ, то Беллаккини придумалъ, на основаніяхъ того же остроумнаго оптическаго обмана, другую шутку. Открывается занавѣсъ: вы видите столъ на трехъ ножкахъ, съ тонкою верхнею доской. На средину его магикъ ставитъ пустую коробку такой величины, что можетъ свободно помѣститься человѣческая голова. По обѣимъ сторонамъ коробки помѣщаются, на столѣ же, два большіе канделябра

съ десятью горящими свѣчами. Спустия немного, когда музыка начинаетъ играть что-то печальное, Беллакини открываетъ одну, переднюю, часть ящика — и зритель усматриваетъ внутри его человѣческую голову, какъ бы отсѣченную съ закрытыми глазами. очень подобную головѣ восковой фигуры. Она имѣетъ сверху тѣ украшенія, какія видимъ у древнихъ египетскихъ статуй, напримѣръ у сфинкса, и самая эта штука называется «сфинксъ, удивительное явленіе». Магикъ, стоящій между зрителями, командуетъ: «Сфинксъ! открой твои глаза!» Сфинксъ медленно открываетъ. «Сфинксъ! поверни голову вправо!» Сфинксъ поворачиваетъ голову вправо. «Поверни влѣво!» поворачиваетъ влѣво. «Поклонись зрителямъ!» Кланяется зрителямъ. «Улыбнись!» Улыбается. Словомъ, вы убѣждаетесь несомнѣнно, что это живой человѣкъ.

Начинаются вопросы, предлагаемые отчасти зрителями, отчасти самимъ магиномъ. Напримѣръ, «чего нужно намъ ждать изъ Парижа?» (спросилъ какой-то повстанецъ). Новыхъ модъ, отвѣчала скромная голова. — «Кто здѣсь всѣхъ выше?» — «Король Зигмунтъ, потому что стоитъ на колоннѣ». — «Кто здѣсь изъ всѣхъ великихъ людей бѣднѣе?» — «Коперникъ, потому что сидитъ на морозѣ безъ шапки и босикомъ».

Забавнѣе всего, что въ одно время съ Беллакини пріѣхалъ другой Пинетти. Эпштейнъ, и между ними завязалась преуморительная перестрѣлка. Каждому хочется: перецеголить товарища фокусами, одер-

жать надъ нимъ побѣду. Одинъ собираетъ публику въ театрѣ, другой въ Швейцарской долинѣ, и оба ввертываютъ всякій разъ что-нибудь такое, чего вовсе зрителямъ знать не нужно. Эпштейнъ въ первое же представленіе объявилъ публикѣ, что Беллакини посадилъ 18 свистуновъ, которые будутъ свистать, но онъ очень мало обращаетъ на это вниманія... а въ концѣ представилъ одинъ беллакиниевскій фокусъ и объяснилъ, какъ онъ дѣлается. А Беллакини, начиная одно представленіе, сказалъ публикѣ: «вотъ говорятъ *шые люди*... коллеги... что я не умѣю дѣлать вольта одною рукой: я умѣю, господа, и сейчасъ вамъ покажу». Въ клубѣ, за ужиномъ, они сошлись оба и позавали публику состязаніемъ въ карточныхъ штукахъ. Такая же сцена произошла въ «Англійской гостиницѣ». На одномъ изъ семейныхъ вечеровъ Русскаго клуба пріѣли двѣ артистки варшавской польской оперы: г-жи Квецинская и Грець. Въ числѣ пѣснь, ими исполненныхъ, были два русскіе романса, спѣтые весьма удовлетворительно: *Соловей* и *Скажите ей*, и выговоръ былъ также хорошъ. Квецинскую просили повторить *Скажите ей*.

Г-жа Ристори, обѣхавъ съ большимъ успѣхомъ главные города Соединенныхъ Штатовъ, намѣревается въ скоромъ времени возвратиться въ Европу; говорятъ, что путешествіе по Америкѣ доставило ей около 200.000 долларовъ.

Ред. А. Баженовъ. Изд. Ив. Смирновъ. (Ред. на Молчановкѣ, въ Годенскомъ пер., въ д. Дурновой).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГАРМОНИА-ФЛЮТЪ

ПАРИЖСКОЙ РАБОТЫ

по случаю продается за очень дешевую цѣну

ВЪ ДЕПО ИГРУШЕКЪ ГУБКИНА,

въ началѣ Газетнаго переулка.

2—146.

ГИМНАСТИКА

лѣтняя, которую можно вѣшать въ садахъ, комнатахъ, для перевозки чрезвычайно удобная, имѣется для дѣтей и взрослыхъ, **ВЪ ДЕПО ИГРУШЕКЪ ГУБКИНА,** въ началѣ Газетнаго пер.

0—143.